

Якоб Иосифович Дразнинас К ИСТОРИИ «КРАСНОЙ АФИШИ» и ВОССТАНИЯ 22 января 1871 года в ПАРИЖЕ

Новая и новейшая история. 1961, № 2. С.89-98

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011
к 140-летию Парижской коммуны

История подготовки и появления на свет знаменитой Красной афиши, как уже отмечал французский историк М. Домманже, еще далеко не выяснена¹. Правы также Дотри и Шелер², отметившие в своей новейшей публикации, что события 22 января 1871 г. исследованы далеко не полностью.

Наиболее подробно историю Красной афиши изложил один из ее авторов Ж. Валлес. Он сделал это в статье, озаглавленной «Красная афиша»³, и в известной повести «Инсургент», напечатанной уже после его смерти.

Валлес красочно описывает, как Центральный комитет 20 округов, заседавший в Ла-Кордери, поручил ему, Вайяну, Леверде и Тридону составить воззвание; как «запершись в маленькой комнатке на улице Сен-Жак, четыре литератора ломали себе голову над каждой новой строчкой, выходящей из-под их пера, боясь впасть в пошлость или декламацию». До утра не удалось завершить работу. «Недоставало одной-единственной фразы, но такой, в которой трепетала бы душа народа». Эта фраза была найдена лишь утром, «при одном особенно сильном залпе». Это был гордый призыв: «Дорогу народу! Место Коммуне!» Эта фраза и заканчивала воззвание.

Мы изложили события так, как они рассказаны в повести «Инсургент»⁴. То же самое говорится и в статье «Красная афиша», но только в книге автором заключительной фразы воззвания назвал Тридон, а в статье — Леверде.

Доверяя, вероятно, больше статье, чем повести, редакторы сборников статей Валлеса, как видно из их примечаний, не сомневались в том, что автором этой наиболее яркой фразы Красной афиши был Леверде⁵. По-видимому, им все же был Тридон, что прямо подтверждается свидетельством другого автора афиши — Вайяна⁶.

Некоторых уточнений требует еще одно место из рассказа Валлеса. Он говорит, что ему и его друзьям составление воззвания было поручено

¹ M. Dommanget. Edouard Vaillant, un grand socialiste 1840—1915. Paris, 1956, p. 25.

² J. Dautry, L. Scheler. Le Comité Central Républicain des Vingt arrondissements de Paris (septembre 1870 — mai 1871). Paris, 1960, p. 155, note 4.

³ J. Vallès. L’Affiche rouge.— «Cri du peuple», 7.I.1884. Перепечатана в сборниках: J. Vallès. Le cri du peuple. Paris, 1953, p. 312—316; J. Vallès. Articles et pamphlets. Moscou, 1958, p. 346—349.

⁴ Ж. Валлес. Инсургент. М., 1939, стр. 179—181.

⁵ См., например, J. Vallès. Le cri du peuple, p. 314, 316, notes.

⁶ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, IX. Paris, 1913, p. 49. Вийом собрал массу устных и письменных свидетельских показаний о событиях января 1871 г.

5 января. Проработав весь этот день и часть ночи, они легли отдохнуть, и когда встали, то «услышали непривычный по силе гром пушек. Это началась бомбардировка»⁷.

Но ведь бомбардировка Парижа началась 5 января 1871 г. Значит, составление афиши завершалось не утром 6 января, как вытекает из рассказа Валлеса, а утром 5 января. Новейший биограф Валлеса и утверждает, что поручение написать воззвание было дано 4 января, а готово оно было утром 5 января⁸.

Не совсем ясным был и вопрос о том, когда Красная афиша появилась на стенах Парижа. Обычно считалось, что это было 6 января⁹. Но С. Айнберг-Загряцкова доказывала, ссылаясь на письма секретаря русского посольства в Париже Обрезкова, что афиша была расклеена уже 5 января¹⁰. К этому мнению фактически присоединился и французский историк П. Ангран, переведший статью Айнберг-Загряцковой¹¹.

Но кроме утверждения Валлеса имеются и другие свидетельства современников, доказывающие, что Красная афиша появилась именно 6 января. Так, парижский агент лондонского банка Ротшильдэв пишет в донесении от 6 января, что «сегодня» встречались на улицах афиши, призывающие к восстанию¹². О появлении этой же афиши «сегодня днем» записывает 6 января в своем дневнике Кларти¹³. Вечером того же дня Красную афишу бурно обсуждали в клубе Фавье. «Днем,— говорит Молилари в своем отчете об этом обсуждении,— была наклеена на стены огромная красная афиша»¹⁴. В тот же вечер 6 января префект полиции Крессон докладывает о ней на заседании правительства¹⁵. И, наконец, в отделе хроник газеты Делеклюза за 8 января упоминается, что «вчера» появилась афиша¹⁶.

Теперь вопрос о точной дате составления Красной афиши и ее появления на стенах Парижа можно считать окончательно решенным. Из найденного недавно протокола Центрального комитета 20 округов от 6 января 1871 г. мы узнаем, что Красная афиша была расклеена по городу 6 января¹⁷. Следовательно, и написана она была в ночь на 6 января. У Обрезкова, видимо, описка.

Из приведенных свидетельств видна не только дата афиши, но и то, какое большое значение ей придавал революционный Париж. Воззвание было прочитано и одобрено Центральным комитетом утром 6 января и сразу же отпечатано и расклеено. «Не находилось денег, чтобы вставить окна и отопить помещение,— вспоминал Валлес,— но деньги нашлись, чтобы напечатать афишу»¹⁸.

В феврале 1871 г., когда военный суд слушал дело о Красной афише¹⁹,

⁷ Ж. Валлес. Инсургент, стр. 180.

⁸ G. Gillé, Jules Vallès (1832—1885). Paris, 1941, p. 236.

⁹ См., например, П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. М. 1959, стр. 131.

¹⁰ С. Айнберг-Загряцкова. «Красная афиша». К предыстории Парижской коммуны.— «Вопросы истории», 1950, № 4, стр. 88—91. Здесь приводится и полный перевод текста Красной афиши.

¹¹ S. Aïnberg-Zagriatskova. L'Affiche rouge. Adaption de P. Angrand.— «1848. Revue des révolutions contemporaines», mai 1951, № 188.

¹² C. de B. Lettres from Paris 1870—1875. London, 1942, p. 115.

¹³ J. Claretie. Paris assiégé, p. 260.

¹⁴ Г. Молилари. Красные клубы во время осады Парижа. СПб., 1871, стр. 223.

¹⁵ «Procès-verbaux des séances du conseil du gouvernement de la défense nationale», d'après M. A. Dréo (далее — «Procès-verbaux»). Paris [1905], p. 495.

¹⁶ «Réveil», 3.I.1871. В то время парижские газеты помещались не днем выхода, а следующим днем, а передовая в том же номере датирована 7 января.

¹⁷ J. Dautry, L. Scheler. Le Comité Central..., p. 151.

¹⁸ J. Vallès. Articles et pamphlets, p. 348.

¹⁹ Перед судом предстало 14 человек. Все они были освобождены, но до этого несколько месяцев находились в предварительном заключении. Одновременно военный суд рассматривал и дела о восстаниях 31 октября и 22 января. См.: «Guerre illustrée», I.III.1871, p. 502—503; «Cri du peuple», 25.II, 8.III.1871.

Валлес отметил, что она была не призывом к мятежу, а лишь криком изболевшейся души²⁰. Но хотя Красная афиша действительно не призывала к восстанию, она была настоящей революционной прокламацией и шла значительно дальше, чем сентябрьский манифест ЦК 20 округов и ноябрьский манифест Интернационала²¹. Оба манифеста были по существу адресованы правительству и лишь излагали требования, ему предъявляемые. Красная же афиша была адресована народу и носила явно антиправительственный характер. Не случайно правительство немедленно стало преследовать подписавших ее, а реакционеры поспешно срывали это воззвание со стен²².

Появление Красной афиши именно в начале января не было случайностью. По свидетельству Вайяна, как раз тогда в Ла Кордери была образована комиссия из 22 человек для руководства «движением, которое будет реваншем за 31 октября». Эта комиссия создала секретный комитет из пяти членов, которому было поручено «готовить восстание». В него вошли Ферре, Сапиа, Вайян, Тридон и Леверде²³. Трое последних были авторами Красной афиши. Это, конечно, не простое совпадение.

С большой степенью вероятности можно предположить, что эта же комиссия 22-х поручила составить воззвание. Если это так, то Красная афиша мыслилась как боевая программа подготовлявшегося народного выступления. К сожалению, мы не знаем более точно, что представляла собой комиссия 22-х²⁴. Это было время, когда Ла Кордери, «парламент в рабочей одежде», как образно назвал Валлес этот центр революционного Парижа²⁵, создал несколько организаций, которые как бы связывали ЦК 20 округов с широкими массами трудящихся и готовили будущую Коммуну. Среди этих организаций особое внимание привлекают две: «Республиканская лига обороны до крайности», которая, по словам Крессона, «заявила, что Париж... должен принадлежать пролетариям»²⁶, и «Центральный клуб республиканского социалистического комитета 20 округов», на повестке дня одного из заседаний которого стоял вопрос: «Национальная оборона с революционной и социалистической точки зрения»²⁷.

Возможно, что комиссия 22-х была связана именно с этими двумя организациями²⁸. Видимо, как раз к этой комиссии относятся слова одного из ораторов в клубе «Фавье» 6 января: «Коммуна уже существует! Эта Коммуна тайная, но мы знаем уже теперь всех ее членов. Центральный клуб республиканского комитета скромно и патриотически уступил место делегатам»²⁹. Нам остается только вручить им власть»³⁰.

²⁰ J. Vallès. Les républicains devant les conseils de guerre.— «Cri du peuple», 22.II.1871.

²¹ «Combat», 16.IX.1870; «Patrie en danger», 26.XI.1870.

²² Г. Молиари. Красные клубы..., стр. 223, 259.

²³ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, p. 49.

²⁴ О ней нет данных и в протоколах, опубликованных Дотри и Шелером. Следует иметь в виду, что ими найдены не все, а лишь отдельные протоколы.

²⁵ «Le parlement en blouse».— «Cri du peuple», 27.II.1871.

²⁶ «Procès-verbaux», p. 357. Керженцев считал, что Республиканская лига «объединяла мелкобуржуазные, не социалистические элементы». Но он не привел никаких доказательств в подтверждение этого тезиса.— П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г., стр. 130.

²⁷ «Combat», 12.XII. 1870.

²⁸ Леверде, член комитета пяти и один из авторов Красной афиши, в конце декабря опубликовал брошюру о Республиканской лиге.— «Combat», 29.XII.1870; см. также J. Dautry, L. Scheler. Le Comité Central..., p. 135, note 1. Член ЦК 20 округов Шассан утверждает, что Центральный клуб стал обыкновенным клубом. Вместе с тем выступать на его заседаниях могли только депутаты.— Ibid., p. 142.

²⁹ В немногих дошедших до нас документах Республиканской лиги и Центрального клуба часто говорится о делегатах. Члены комитета пяти также, по словам Вайяна, были «делегированы». Любопытно, что и в материалах комиссии, расследовавшей восстание 18 марта, есть упоминание о том, что ЦК 20 округов уступил свое место Республиканской лиге.

³⁰ Г. Молиари. Красные клубы..., стр. 226. О Коммуне, как уже о существующей организации, говорится и в материалах об объединенных собраниях членов

Комитет пяти заседал регулярно и установил связь с некоторыми рабочими батальонами Национальной гвардии, обещавшими выступить в день, который должен был быть назначен особо. Комитет заручился обещанием одного офицера артиллерийского парка Национальной гвардии на Нотр-Дам, что в нужный момент орудия будут направлены против Ратуши³¹. Таким образом этот комитет вел определенную работу по подготовке восстания.

Эта деятельность проходила в обстановке, когда в Париже оппозиция правительству становилась все острее. Рабочие окраины уже давно потеряли к нему всякое доверие. Еще в конце ноября, присоединяясь к манифесту Интернационала, один из клубов отметил в своем решении, что правительство не согласится принять требования этого манифеста, «и потому пришло время отстранить правительство и заменить его самым срочным образом Парижской коммуной»³².

Капитулянтская политика правительства и ужасные муки голода и холода, на которые трудящиеся Парижа были обречены в то время, когда продолжалась открытая продажа продуктов по спекулятивным ценам³³, окончательно убедили рабочих в необходимости революционного установления Коммуны. Многие были убеждены, что только Коммуна может еще спасти положение. «Коммуна с непреодолимой силой отбросит пруссаков», — воскликнул молодой рабочий в клубе на улице Арра 13 января³⁴. От Коммуны ждали, что она решит не только национальные, но и классовые проблемы. «Первая революция избавила нас от родовой аристократии... Духовенство и буржуазия, вот кого нам осталось сломить», — заявил 10 января оратор в клубе Белой Королевы³⁵. Один шпион писал об этом клубе, что у него «нет иной цели, кроме свержения правительства»³⁶. Но и в других клубах обсуждался вопрос о походе на Ратушу, причем с учетом печального опыта 31 октября, когда из-за неорганизованности трудящихся реакция одержала верх³⁷.

Определенный сдвиг наблюдался в январе 1871 г. и в деятельности парижских организаций Интернационала. Если раньше они пытались отгородиться от политических вопросов, то теперь включились в политическую борьбу. На заседаниях Федерального совета высказывались замечания по поводу его неправильной линии во время восстания 31 октября, говорилось, что совет должен взять на себя руководство комитетами бдительности, укрепить свои позиции активным участием в политической борьбе³⁸.

Более решительно стали вести себя мелкобуржуазные яблонцы. В ноябре и декабре их газеты нападали не столько на правительство в целом, сколько на генерала Трошию. Делеклюз рассчитывал использовать сов-

---

«революционных клубов XVIII округа», которые состоялись 6 и 11 декабря. На первом из них при участии 3 тыс. человек (среди них «600 записанных») избираются «делегаты в Коммуну». По этому поводу секретарь собрания отмечал: «Больше не упрекнул нашу партию в том, что она не организована». Второе собрание должно было заслушать доклад «членов комитета бдительности, делегированных в Парижскую коммуну». — «Combat», 12.XII.1870.

³¹ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, IX, p. 49, 52 (показания Вайяна и Гуллэ)

³² «Patrie en danger», 2.XII.1870.

³³ Буржуазный писатель Гонкур записал 13 января в своем дневнике, что когда он смотрит на дорогие продукты, выставленные напоказ в витринах магазинов, он начинает понимать Марата, призывавшего в свое время к расправе со спекулянтами. — «Journal des Goncourts», 2 serie, 1 vol. Paris, 1890, p. 189—190.

³⁴ L. Michel. La Commune. Paris, 1898, p. 93.

³⁵ Г. Молинари. Красные клубы..., стр. 235—236.

³⁶ «Combat», 7.I.1871 (из документа, найденного в портфеле этого шпиона, разоблаченного тут же, в клубе).

³⁷ См., например, отчет о заседании клуба Фавье за 6 января. — Г. Молинари. Красные клубы..., стр. 228—230.

³⁸ См. протоколы Федерального совета. — «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. 3. Versailles, 1872, p. 218.

щения мэров как средство давления на правительство³⁹. Ф. Пиа считал даже, что эти совещания превращаются в Коммуну⁴⁰. Но в начале января подобным иллюзиям был нанесен смертельный удар. Даже те буржуазные мэры, которые поддерживали Делеклюза в его нападках на Трошю, отказались принять предложение превратить совещание мэров в постоянно действующий орган⁴¹. Делеклюз подал в отставку с поста мэра XIX округа. Рашье его газета осуждала «все, что может нарушить общественное спокойствие улицы»⁴², теперь же пришла к выводу, что реакционеры провоцируют гражданскую войну. «Réveil» предупреждала правительство, что его упорство может сделать невозможным мирный исход и тогда оно будет сметено новой революцией⁴³.

Патриотические и радикальные элементы буржуазии тоже начали склоняться к мнению, что Париж должен действовать, не считаясь с правительством. «Республиканская уния» (буржуазная организация, созданная частью бывших депутатов Второй республики) потребовала в декларации от 8 января избрать городскую «политическую ассамблею», которая взяла бы в свои руки защиту интересов Парижа и страны⁴⁴. «Республиканский альянс», руководимый Ледрю-Ролленом, в котором участвовали и такие левые деятели, как Делеклюз, Разау, Артюр Арну, долго искал в январе генерала, который мог бы заменить Трошю. Только убедившись в том, что все генералы стоят на кашитулянтских позициях, члены альянса, по словам Арну, пришли к выводу, «что нечего больше ждать от официально мира и что спасение может принести только большое народное движение, продолжающее дело 31 октября и передающее руководство в руки революционных сил». Накануне 22 января эта организация «связалась с некоторыми представителями предместий и со многими секциями Интернационала, обещавшими поддержку своих батальонов»⁴⁵. 22 января был обнародован манифест «Республиканского альянса», потребовавший избрать в течение 48 часов представителей Парижа, «которые одновременно управляли бы администрацией и обороной»⁴⁶.

Итак, в Париже в январе 1871 г. назревало антиправительственное восстание. Но некоторые революционеры считали, что время уже упущено. Популяриный в клубах оратор Брион говорил 6 января, что Париж исчерпал свои возможности: «Кто может еще говорить о Коммуне? Кто будет настолько неразумным, чтобы принять на себя ответственность за создавшееся положение!»⁴⁷.

Такого же мнения был и Огюст Бланки. Бланкисты принимали активное участие в подготовке Красной афиши и в работе комитета пяти. Но сам Бланки узнал о готовящемся выступлении буквально в последний момент. Бряд ли это объясняется секретностью работы комитета пяти, как предполагает Домманже⁴⁸. Скорее всего Бланки считал, что поднимать восстание в данных условиях не целесообразно. По его мнению, полагает Гуллэ, «революционерам в случае успеха оставалось бы лишь взять на себя

³⁹ Биограф Делеклюза Десаль считает, что совещания мэров и их помощников только благодаря Делеклюзу начинали приобретать политическое значение.— M. Dessal *Un révolutionnaire jacobin Charles Delescluze. 1809—1871*. Paris, 1952, p. 311. На самом же деле и до избрания Делеклюза мэром эти совещания приобретали в критические дни политическое значение, например, накануне и во время восстания 31 октября.

⁴⁰ «Рождение Коммуны» — так озаглавила газета Ф. Пиа статью об одном совещании мэров.— «Combat», 31.XII.1870.

⁴¹ «Réveil», 2—3, 6, 7.I.1871.

⁴² «Réveil», 2—3.I.1871.

⁴³ «Réveil», 7,8.I.1871.

⁴⁴ «Combat», 22.I.1870.

⁴⁵ A. Arnaud. *Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris*, t. I—II. Bruxelles, 1878, p. 66—72.

⁴⁶ «Combat», 22.I.1871.

⁴⁷ «Combat», 19.I.1871.

⁴⁸ M. Dommanget. *Blanqui, la Guerre de 1870—71 et la Commune*. Paris, 1947, p. 85.

ответственность за позор неизбежной капитуляции». Вайян тоже свидетельствует, что Бланки больше боялся победы восстания, чем его поражения⁴⁹.

Нельзя сказать с уверенностью, действительно ли битва за Париж, на который вели в то время наступление прусские войска, была тогда уже окончательно проиграна французами. В своем военном обзоре от 21 января Энгельс еще не считал положение Парижа безнадежным, но через несколько дней, узнав, что в Париже установлена норма выдачи хлеба, пришел к выводу, что это начало конца⁵⁰.

Бланки, во всяком случае, был настолько убежден в невозможности спасти Париж, что даже считал правительство готовым уступить свое место революционерам без боя. «Вы проникнете в Ратушу, как в масло», — сказал он Флоту, сообщившему ему утром 22 января о готовящемся выступлении⁵¹. Но эта надежда не оправдалась.

Правительство действительно было бы не прочь переложить ответственность за позор капитуляции на чужие плечи. В январе на его заседаниях то и дело выдвигались предложения поручить ведение переговоров с немцами окружным мэрам, или специально избранной Парижем комиссии или даже выборному муниципалитету. Раньше, накануне сентябрьской встречи Фавра с Бисмарком, когда членам правительства казалось, что дело быстро идет к заключению тяжелого для Франции перемирия, даже наиболее ярый противник образования выборного парижского представительства Пикар внезапно заявил: «Если надо вести переговоры, лишь Коммуна призвана это сделать». Теперь, перед новой встречей Фавра с Бисмарком, Араго говорил 17 января, что «Париж должен вести переговоры посредством своего муниципалитета»⁵².

Но правительство могло согласиться на выборы Коммуны лишь при условии, что та пойдет на капитуляцию перед немцами; оно вовсе не было намерено добровольно передать власть тем, кто хотел продолжать войну до победы. «Победа освободила бы нас от внешнего врага. Но другой, настоящий, внутренний враг — демократический дух — только выиграл бы от этого», — писал правый журналист Вейо⁵³, раскрывая сокровенные замыслы крупной буржуазии. В интимной обстановке и Тропю, не стесняясь, объяснял своим коллегам, что «именно банкиры и некоторые собственники хотят мира любой ценой»⁵⁴.

Правительство давно готовилось к вооруженному подавлению народного движения. После 31 октября заседания правительства нередко напоминали собрания штаба контрреволюционных сил во время гражданской войны. Так, 27 ноября правительство собралось для обсуждения плана французского наступления, которое должно было, по официальным заявлениям, привести к прорыву прусских линий. Торжественно был принят декрет о назначении Дюкро главнокомандующим новой армией и т. п. Но вслед за тем до конца заседания правительство занималось вопросом о мерах подавления возможного восстания. Речь шла даже о том, что членам правитель-

⁴⁹ E. Vaillant. Souvenirs et réflexions sur Blanqui.— «Solidarité», № 290; M. Dommanget. Edouard Vaillant..., p. 403.

⁵⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 253, 256. Хотя считалось, что продовольствие в Париже на исходе, немцы после заключения перемирия обнаружили в перешедших к ним парижских укреплениях огромные запасы продуктов, оставленные там французами. Используя эти ресурсы, а также продовольствие, припрятанное у торговцев, можно было, по мнению Арну, надолго продлить сопротивление Парижа.— F. Weu. Chronique du siège de Paris. Paris, 1871. p. 391; A. Arnould. Histoire populaire..., p. 70—71.

⁵¹ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, p. 50.

⁵² «Procès-verbaux», p. 433, 536.

⁵³ «Univers», 23.XII.1871.— Цит. по: H. Guillemin. Les origines de la Commune. L'héroïque défense de Paris. 1870—1871. Paris, 1959, p. 19.

⁵⁴ «Procès-verbaux», p. 316.

ства не следует заседать всем вместе, «чтобы они не могли попасть все сразу в руки мятежников»⁵⁵.

Семь недель спустя правительство готовило Бюзенвальскую вылазку, эту, по словам Маркса, «подачку парижской национальной гвардии»⁵⁶. Операция была намечена на 19 января, а заседание 17 января, продолжавшееся три часа, было целиком посвящено... капитуляции! Трошю был заранее уверен в провале сражения, которое он собирался лично возглавить. «Отвага врага,— говорил он,— сделает капитуляцию неизбежной». В предстоящем бою впервые за все время осады должна была активно участвовать Национальная гвардия. А военный министр Леффло уже накануне, 18 января, знал, что после этой операции «национальная гвардия ничего больше дать не сможет»⁵⁷.

Готовясь сдать Париж врагу, правительство принимало военные меры против жителей Парижа. У некоторых участников событий сложилось мнение, отразившееся потом в ряде исторических работ, что правительство сделало это после того, как узнало вечером 21 января о том, что в клубах решили выступить 22 января⁵⁸. Но на самом деле уже 19 января, в самый разгар Бюзенвальской битвы, началась концентрация в Ратуше верных правительству войск⁵⁹. Вечером того же дня Леффло советовал Крессону в случае волнений подавить их «всеми мыслимыми средствами»⁶⁰. Не исключено, что именно в предвидении этих волнений Фавр уже за два дня до этого говорил на заседании правительства о возможности ввода в Париж некоторых прусских воинских частей⁶¹.

В начале осады правительство еще рассчитывало с помощью одних военных неудач «вылечить» Париж от того, что Трошю позднее окрестил «патриотическим зудом»⁶². Когда Фавр отправился в Феррьер, чтобы поговорить с Бисмарком о сдаче Парижа, Трошю инсценировал сражение у Шатильона. Это не было случайным совпадением⁶³. После того как стало ясно, что ни немецкая бомбардировка, ни экономические тяготы не смогли сломить волю населения Парижа к сопротивлению, реакция решила добиться этого кровопусканием внутри города.

В правительстве не было единодушия относительно тактики. Некоторые его члены тяготились властью и были готовы, как правильно предполагал Влланки, отказаться от нее⁶⁴. 21 января вечером вопрос об отставке Трошю был уже решен, но разгорелся горячий спор о его преемнике. Кандидатура Винуа, предложенная Трошю⁶⁵, была отклонена, ибо даже для консервативных республиканцев фигура этого «героя 2 декабря»⁶⁶ казалась слишком одиозной. Однако стоило им узнать, что национальные гвардейцы освободили из тюрьмы Флурапса, как колебания их сразу кончились. Винуа был назначен главнокомандующим, и «все правительство примкнуло к своему генералу»⁶⁷. «Этот будет действовать как жандарм», — сказал о нем Гонкуру один из друзей самого Винуа⁶⁸.

⁵⁵ «Procès-verbaux», p. 356.

⁵⁶ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII). М., 1934, стр. 243.

⁵⁷ «Procès-verbaux», p. 531, 539.

⁵⁸ Г. Молинали. Красные клубы..., стр. 284; E. Lepelletier. Histoire de la Commune de 1871, t. I. Paris, 1911, p. 108.

⁵⁹ «Combat», 22.I.1871.

⁶⁰ «Procès-verbaux», p. 552. Крессон начал стягивать свои силы 21-го утром.— E. Cresson Centjours du siège à la préfecture de police. Paris, 1904, p. 219.

⁶¹ «Procès-verbaux», p. 534.

⁶² Trochu. Oeuvres posthumes, t. I. Paris, 1896, p. 284.

⁶³ H. Guillemin. Les origines de la Commune, p. 104—111.

⁶⁴ Делеклюз тоже был уверен, что после позора Бюзенваля правительство само поядет в отставку.— M. Dessal. Un révolutionnaire jacobin..., p. 316.

⁶⁵ Как Трошю, так и Винуа были тесно связаны с родовитой французской аристократией.

⁶⁶ Э. Лиссагарэ. История Парижской коммуны. СПб., 1906, стр. 44.

⁶⁷ «Procès-verbaux», p. 561.

⁶⁸ «Journal des Goncourts», p. 206.

Большинство манифестантов пришло 22 января к Ратуше не для вооруженной борьбы. «Нас созывали на мирную манифестацию», — писали месяц спустя национальные гвардейцы XIII округа⁶⁹. Ведь на народных собраниях 21 января было решено, что на манифестацию пойдут и женщины протестовать против хлебной нормы⁷⁰. Предполагавшимся мирным характером манифестации объясняется и тот факт, поразивший современников и историков, что о выступлении говорили в клубах совершенно открыто⁷¹. «Мы хотим мирной революции, которая была бы проведена всем народом, как 4 сентября», — заявил один оратор 13 января. И многие были уверены, что достаточно будет общенародной мирной демонстрации, чтобы заставить правительство уступить место Коммуне.

Не все, конечно, разделяли эту иллюзию. Многие организации — отдельные клубы, совещание представителей «всех» клубов⁷², «Республиканский альянс» — призывали парижан выступить 22 января против правительства и за Коммуну. Действовал и комитет пяти, который вряд ли рассчитывал на мирное отстранение правительства. По имеющимся данным, он наметил сначала выступление на вечер 21 января. Но отряды национальной гвардии, откликнувшиеся на призыв и собравшиеся поздно вечером у Ратуши, получили в последнюю минуту указание, что выступления переносятся на следующий день. Именно тогда у этих отрядов внезапно возникла идея отправиться в тюрьму Мазас и освободить Флуранса и других революционеров⁷³. Нападение на Мазас не было никем заранее запланировано и нет никакого основания считать, что оно было предпринято для того, чтобы в лице Флуранса дать восстанию вождя, как утверждает американский историк Мэзон⁷⁴. Это тем более не обосновано, что Флуранс никакого участия в событиях 22 января не принимал.

По мнению Арну и других историков, освобождение Флуранса оттолкнуло от восстания буржуазных радикалов, которые испугались «красного призрака»⁷⁵. Но трудно предположить, что члены «Республиканского альянса» и «Республиканской унии», примкнувшие к движению, и до этого собирались идти на вооруженный бой. Когда делегация альянса вошла 22 января в Ратушу и увидела проведенные здесь военные приготовления, она сразу забила отбой. Ее руководитель Ревейон начал расспрашивать принявшего делегацию Шодэ, как тот будет действовать в случае попытки занять Ратушу. Шодэ ответил, что на силу он ответит силой, и Ревейон, отправившись в помещение, где находились руководители альянса, заявил, что нет никаких надежд одержать победу над правительством⁷⁶. «Эти люди подстрекают нас, но когда наступает пора явиться на место сбора, то сами они остаются дома», — заявил в тот же вечер о членах буржуазной «Республиканского альянса» один рабочий в клубе Фавье⁷⁷.

Но и не все рабочие батальоны откликнулись на призыв к выступлению. Многих дезориентировало сообщение об отставке Трошию⁷⁸, хотя наиболее сознательных весть о назначении Винца еще более возмутила⁷⁹. Но отряды предместий, пришедшие на площадь у Ратуши, показали здесь мужество, которое столь ярко проявилось в дни Коммуны. Они не дрогнули, когда по ним был открыт огонь. Сохранилась память о героизме старот

⁶⁹ «Cri du peuple», 26.II.1871.

⁷⁰ L. Michel. La Commune, p. 98.

⁷¹ См., например, Г. Молинали. Красные клубы..., стр. 281—282.

⁷² L. Michel. La Commune, p. 97.

⁷³ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 54, 64, 66 (показания Монтея)

Жиро).

⁷⁴ E. Mason. The Paris Commune. New York, 1930, p. 97.

⁷⁵ A. Arnould. Histoire populaire..., p. 74.

⁷⁶ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 46 (показания Курбэ).

⁷⁷ Г. Молинали. Красные клубы..., стр. 285.

⁷⁸ G. Da Costa. La Commune vécue, t. 3. Paris, 1903, p. 190; A. Arnould. Histoire populaire..., p. 74.

⁷⁹ E. Lepelletier. Histoire de la Commune de 1871, p. 105.

рабочего Мальзьё⁸⁰, молодого барабанщика студента Буске⁸¹, популярного революционера Сапия и других, сражавшихся в этот день за дело своей родины и рабочего класса.

В исторической литературе продолжают споры о том, кто первый открыл огонь 22 января, и исходил ли приказ стрелять в народ от заместителя мэра Парижа Шодэ. Немецкий историк Кёхлин считает, что Ларонз окончательно доказал невиновность Шодэ⁸². Но мы не думаем, что вопрос этот выяснен полностью. Если Шодэ не дал приказа стрелять, то непонятно, почему он не заявил об этом на допросах во время Коммуны, хотя знал, что ему угрожает смертная казнь. Вийом это объясняет тем, что Шодэ признавал свою ответственность за общее руководство обороной Ратуши. Но ведь его обвиняли конкретно в том, что по его приказу был открыт огонь⁸³. Главный документ, приведенный Ларонзом в защиту Шодэ (телеграмма последнего), на наш взгляд, доказывает обратное. Докладывая о 207 батальоне, Шодэ внезапно сообщает: «Выстрелы в сторону площади. Я прерываю телеграмму. Стреляют в толпу на площади»⁸⁴. Отсюда следует, что даже, если приказ стрелять дал не Шодэ, а кто-то другой, то все же он был дан в Ратуше, а не на площади. И тем не менее, Мэзон и другие реакционные историки продолжают утверждать, что первыми стреляли манифестанты⁸⁵.

Как правильно указал Вийом, войска, находившиеся в Ратуше, только ждали повода, чтобы открыть огонь по народу. Никто из членов правительства, в том числе и Ферри, мэр Парижа, не появился в Ратуше, хотя он получил несколько телеграмм от своих помощников, что у Ратуши назревает вооруженный конфликт⁸⁶. Гражданские власти устранились, разрешая свободно действовать Винуа, Крессону и командирам бретонцев. Расстрел манифестантов был логическим следствием многодневных правительственных приготовлений к подавлению «мятежа».

События 22 января не сводились лишь к перестрелке у Ратуши. В ночь на 22 января было совершено нападение не только на тюрьму Мазас, но была на время захвачена мэрия XX округа⁸⁷. Есть сведения о попытке занять и мэрию XVII округа⁸⁸. На улице Виктории была построена баррикада — Крессон потом хвастал, что именно его полицейские взяли эту баррикаду, хотя известно, что реорганизованная им полиция играла жалкую роль и ее просто не пускали в рабочие кварталы⁸⁹.

Выступление 22 января превосходило то, что было 31 октября, не только по размаху, но и по своей подготовленности. Оно готовилось заранее, по крайней мере с начала января, со времени обнародования Красной афиши. Поэтому нельзя согласиться с Керженцевым, что «выступление 22 января было менее подготовлено, чем выступление 31 октября»⁹⁰. Оба эти выступления относились к числу тех рабочих восстаний периода осалы, которые, как указывал Маркс, «ставили себе целью заменить правительство обманщиков Коммуной»⁹¹.

⁸⁰ J. Vallès. Joan Malezieux.—J. Vallès. Le cri du peuple, p. 236—237.

⁸¹ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 67—72.

⁸² H. Kœchlin. Die Pariser Commune im Bewusstsein ihrer Anhänger. Mühlhausen, 1958, S. 205.

⁸³ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 23—24, 28—29.

⁸⁴ G. Laronze. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1928, p. 415—426.

⁸⁵ E. Mason. The Paris Commune, p. 97.

⁸⁶ M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 91—94.

⁸⁷ После освобождения арестованных из тюрьмы Мазас часть национальных гвардейцев хотела освободить арестованных также из тюрьмы Консьержери. Но по предложению Флуранса, заявившего, что «надо действовать среди народа», отряд отправился к мэрии XX округа. Мэрия была занята без боя, но скоро оставлена.— M. Vuillaume. Mes cahiers rouges, VIII, p. 54, 66.

⁸⁸ «Enquête...», t. 2, p. 381.

⁸⁹ Ibid., p. 132, 133.

⁹⁰ П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г., стр. 136.

⁹¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 413.

Но выступление 22 января было все же плохо подготовлено⁹². Это проявилось особенно ярко в том, что как Бланки, так и Делеклюз весь этот день оставались в роли посторонних наблюдателей. Первый из кафе на улице Риволи⁹³, второй из квартиры друга на той же улице пассивно следили за ходом событий.

Потопив в крови выступление 22 января, правительство могло осуществить военную капитуляцию перед Бисмарком, о которой давно думало. Если раньше оно собиралось ограничиться сдачей одного Парижа, то теперь оно подписало капитуляцию от имени всей Франции⁹⁴. Народ Парижа, узнав об этом предательстве, попытался ответить на него новым выступлением. Два командира национальной гвардии, Пиаца и Брюнель, хотели поднять своих людей на бой⁹⁵. Но они были арестованы, и 28 января капитуляция была подписана.

* * *

В ответ на Красную афишу Трошю 6 января обнародовал прокламацию, которую закончил словами: «Губернатор Парижа никогда не капитулирует». В тот же вечер, комментируя эти слова, один рабочий заявил: «Да! Он держит крепко меч, но против нас, и не капитулирует перед Бельвилем. Вот что он хотел сказать»⁹⁶.

События 22 января показывают, насколько метким было это суждение неизвестного рабочего. Париж поднялся, чтобы помешать Трошю капитулировать перед внешним врагом, и меч, который остался в ножнах, когда надо было воевать с немцами, обрушился всей силой на собственный народ.

Трагизмом веет от подвига тех, кто восстал 22 января. Они потерпели поражение, но расчистили путь для новой революции, для Коммуны.

---

⁹² Нет оснований рассматривать его как результат тщательной подготовки, «энергичной и направленной революционной акции». — Ch. Rihs. *La Commune de Paris, sa structure et ses doctrines* (1871). Genève, 1955, p. 37.

⁹³ Керженцев писал, что Бланки был активен 22 января и был на площади, но все источники подтверждают, что он не принимал участия в событиях. — См. П. Керженцев. *История Парижской коммуны 1871 г.*, стр. 136, а также M. Vuillaume. *Mes cahiers rouges*. IX, p. 50, 52 (показания Вайяна и Гуллэ).

⁹⁴ Лепеллетье считает, что это было результатом отказа мэров вести с Бисмарком переговоры от имени Парижа. — E. Lepelletier. *Histoire de la Commune de 1871*, p. 95. Но Фавр и некоторые другие члены правительства и раньше выступали за капитуляцию от имени всей Франции. — «Procès-verbaux», p. 534, 549.

⁹⁵ Vinoy. *L'Armistice et la Commune*, t. I (s. a., s. l.), p. 405. Подробное описание следствия по этому почти не изученному делу см.: «Guerre illustrée», 4.III.1871, p. 509—511.

⁹⁶ Г. Молнар. *Красные клубы...*, стр. 225.

Книги, статьи, аудио- и видеоматериалы

по истории Коммуны 1871 года можно скачать:

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio1.htm#commune>

в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/pl00499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

в сообществе «Знание - власть»

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

в библиотеке «ПОЛИТАЗБУКА» <http://politazbuka.ru/>